

Алексей СЛАПОВСКИЙ

ДВА БРАТА

Действующие лица:

Семен, 100 лет.

Матвей, 100 лет.

Кристина, директор Дома ветеранов, около 35 лет.

Люся, администратор, она же сестра-хозяйка, 50 лет.

Лета, ведущая ТВ, около 25 лет.

Арсен, продюсер ТВ, около 40 лет.

Грузчики, уборщица, телеоператор – все без слов.

Примечание: естественно, актерам, играющим Семена и Матвея, не 100 лет. Они, как сказано в тексте, выглядят на восемьдесят. Плюс театральная условность.

1.

Комната в Доме ветеранов. Две кровати, два стола, два шкафа – платяной и сервант, две тумбочки, два стула, два кресла, в углу холодильник. Все очень тесно, потому что комната рассчитана на одного. Видны входная дверь, дверь в санузел и дверь на балкон. Очень громко звучит телевизор. Там – опера «Кармен».

Семен сидит за столом, смотрит телевизор и ест жареную картошку с жареной колбасой. Встает, идет к серванту. Ищет солонку. Находит. Возвращается к столу, садится. Солит картошку. Ест. Встает, идет к холодильнику, берет пакет с томатным соком, идет к серванту, берет стакан, наливает в него сок, пакет ставит обратно в холодильник, со стаканом идет к столу, садится. Ест, запивает соком. Встает, идет к серванту, открывает дверцу, берет хлеб, возвращается, отрезает ломоть хлеба. Теперь ест с хлебом. Включает чайник. Заваривает пакет чая в фаянсовой кружке. Идет к серванту, берет сахарницу. Возвращается к столу, открывает сахарницу, зачерпывает сахар ложечкой, хочет всыпать в чай, но передумывает, сыплет сахар обратно в сахарницу. Идет к серванту, ищет что-то, не находит. Идет к холодильнику. Достает из него баночку с медом. Идет к столу, садится. Зачерпывает мед ложечкой, запивает чаем. Встает, идет к серванту, открывает дверцы, выдвигает ящики, находит пачку печенья, возвращается. Садится, берет печенье, зачерпывает ложечкой мед, капает на печенье, откусывает. И опять зачерпывает мед, капает, откусывает.

Одновременно: открывается балконная дверь, входит Матвей. Он слегка прихрамывает. Сделав пару шагов, останавливается, долго стоит и смотрит на действия брата.

Матвей. Потихе сделай!

Семен. А?

Матвей (после паузы). Это чего идет?

Семен. А?

Матвей. Чего смотришь?

Семен. Опера.

Матвей. Какая опера?

Семен. Хорошая опера.

Матвей (*подходит к столу*). Колбаса?

Семен. Да вот лишнего нажарил... Будешь?

Матвей. С картошкой?

Семен. У Татьяны взял. Она говорит, давай пожарю, а я ей – нет, я сам, ты так не умеешь.

Матвей. Обход был?

Семен. Когда?

Матвей. Утром. Сейчас сколько?

Семен. Десятый. Семь минут десятого.

Матвей. На завтрак не ходил?

Семен. Кто?

Матвей. Завтрак был? Мы на завтрак ходили?

Семен. Я нет. Картошки вот нажарил, колбасы. С утра захотелось. Вчера еще подумал: чего-то я хочу? Попросил картошки, колбасу свою взял, пожарил. Многовато, не доел. Хочешь?

Матвей. Не понял, мы на завтрак ходили?

Семен. Я не ходил. На кухню пошел, у Татьяны картошки попросил. Она говорит – давай пожарю, а я – нет, ты так не сумеешь. Надо, чтобы хрустела! Она мягкую жарит. Как каша. А у меня с корочкой. Будешь?

Матвей. Ты меня нарочно не слышишь? Аппарат вставь! Я спрашиваю, мы на завтрак ходили или нет?

Семен. Я не ходил. Картошки вот нажарил с колбасой. Хорошо, колбаса своя. А то бы не дали. Татьяне не жалко, но ей же не велят. Картошки еще даст, а колбасу...

Матвей. Ты меня дразнишь, что ли, Семен? Я тебя простой вопрос спрашиваю – я на завтрак ходил?

Семен. Откуда я знаю? Я не ходил. Со вчера еще думаю: чего-то я хочу? Картошки! Пошел к Татьяне – дай картошечек пару. Она говорит – зачем? Пожарить. Давай, говорит, пожарю. Нет, я сам. Ты ее плохо жарить, а я...

Матвей. Твою-то мать, ты сказать мне можешь или нет, я на завтрак ходил?

Семен. Не орите, Матвей Трофимович, вы мне тут не начальник!

Матвей. А вы, Семен Трофимович, не издевайтесь!.. Придумали – братьев вместе поселить!

Семен. Ремонт, вот и поселили.

Матвей. Где?

Семен. Везде. Половину корпуса закрыли.

Матвей. Да? Нет, я помню. Закрыли, да... Нас поэтому вместе поселили?

Семен. А почему же?

Матвей. То-то я смотрю, вид с балкона не тот. Так мы на завтрак ходили, нет?

Семен. Я не ходил, а ты не знаю!

Матвей. Наверно, ходил. Есть-то не хочу.

Семен. А?

Матвей. Говорю, есть-то не хочу. Значит, ходил.

Семен. И правильно. Здоровей будешь. А я вот – вредно, а хочу колбасы с картошкой. Как бабунька нам говорила, помнишь? Все полезно, что в рот полезло!

Матвей. Покурю пойду. После завтрака святое дело – покурить.

Семен. Покури, почему нет. Я бы тоже, если бы не бросил.

Матвей. А ты бросил? Когда?

Семен. Здрасьте! Лет тридцать назад уже. А то и сорок.

Матвей. Не путаешь? Мы же оба курим.

Семен. Постой. Я бросал, точно помню. Опять, что ли, начал?

Матвей. И я бросал. Все мы бросали.

Он протягивает Семену сигарету, тот берет. В это время входят Кристина и Люся. У Кристины в руке папка.

Люся. Э, два брата-акробата, опять? Отдали сигареты, быстро!

Она ставит вазу на стол, берет у братьев сигареты.

Люся. Где достали? За территорию ходили? *(Смотрит на стол.)* А это что? Кто колбасу с картошкой ел? Голый же холестерин, вы с ума сошли? Кто ел, спрашиваю? Кому нарушение режима записать? *(Берет пульт, выключает телевизор.)* Вот, Кристина Юрьевна, видите, какой бардак? Раньше все нормально было, за ворота выходить не разрешали, только с родственниками, а еще раньше – только по пропускам с подписью администрации! А теперь шляются, как беспризорники! Тащат с воли, что попало. Он колбасой этой отравится, а с нас спросят!

Кристина *(осматривается)*. Занавески депрессивные. Повеселей нет у нас?

Люся. Найдем! *(Встает на стул, начинает снимать занавески.)*

Кристина. Я не говорю, что сразу. Больше разве некому поменять?

Люся. Да, пока кого найдешь, легче самой! *(Отцепляет занавески)*. Я считаю, вам надо этот вопрос привести в норму. Они ведь даже вино таскают! Их на вахте досматривают, так они что придумали – бутылку в куртку завернут, и через забор. А потом поднимают. *(Смеется.)* А в прошлом году один проститутку привел! Представляете?

Кристина *(продолжает осматриваться)*. Тесно как здесь.

Люся. А что делать, ремонт! ... Привел проститутку и говорит: это внучка моя. Мы ее уже здесь разоблачили. Ефимов такой у нас был, через полгода умер. И самое-то интересное, я у этой проститутки спросила, она же у него почти час была, пока не накрыли, а ему восемьдесят три, я спрашиваю: ну, и как, девушка, неужели у него что-то работает? А она говорит: еще как! Железная эрекция, дай бог каждому! Представляете?

Она слезает со стула, сворачивает занавески.

Матвей *(Кристине)*. Я прошу прощения, вы в каком качестве?

Кристина. Акимова Кристина Юрьевна, новый директор. Вхожу в курс дела. Вам, значит, через две недели сто лет?

Матвей *(не расслышав, Люсе)*. Людмила, я не понял, это кто?

Люся. А где аппараты ваши? *(Роемся в ящиках серванта, Кристине.)* Глухие оба, им аппараты слуховые выдали, а они не носят! *(Находит аппараты.)* Ну-ка, воткнули в уши быстренько! Матвей Трофимович!

Матвей. Не надо! Я все отлично слышу! А от аппарата оглохну окончательно!

Люся. Семен Трофимович, одень, сразу лучше станет!

Семен. Ничего не лучше! Звуки какие-то ненатуральные. Как в бочке. И все время там *(показывает на ухо)* будто бумага шуршит. Раздражает.

Кристина *(громко)*. Меня зовут Кристина Юрьевна, я ваш новый директор!

Семен. Ага! Посадили, значит, Коноплёва? Туда ему и дорога!

Люся. Никто не посадил, а на пенсию вышел. С чего его сажать, у нас тут и украсть-то нечего. Татьяна вон обедки с кухни домой таскает, собак своих кормит, две овчарки у нее, но это же не воровство, Кристина Юрьевна? Или как считаете? Если нельзя, я ей скажу.

Матвей *(Кристине)*. Не понял, вы в служебном порядке или как? В каком качестве, можете объяснить?

Люся *(Кристине)*. И вот так всегда! Спросит, ему скажут, а он через пять секунд забывает все. И этот тоже. *(Матвею.)* Директор она новый наш! Директор!

Матвей. Не ори на меня! *(Кристине.)* Примите заявление. Пока устное. Как инвалид и ветеран войны, учитывая преклонный возраст и заслуги перед Родиной, требую выделить мне отдельное помещение!

Люся. Да есть у тебя помещение, Матвей Трофимыч, ремонтируется оно! Ремонтируется! Ты тут временно! Сам сюда попросился! А потом это будем ремонтировать, тогда тебя обратно, а его к тебе, тоже временно!

Матвей. Позвоните Валентине, пусть приедет, заберет меня! Немедленно!

Кристина. Это кто?

Люся. Да жена его покойная. Она давно умерла, а он запомнить не может! *(Матвею.)* Позвоним обязательно!

Кристина. Зачем вы? Он должен знать.

Люся. Потом скажу, а то сейчас плакать начнет. Их главное – успокаивать. Чего просят, то и обещать, они сами потом не вспомнят, о чем просили.

Семен *(Кристине.)* Я прошу прощения, мы знакомы?

Кристина. Я ваш новый директор. Кристина Юрьевна.

Матвей. Кристина? Это вы?

Кристина. Я.

Матвей. Красивое имя! У нас санитарка была Кристина. Незабвенная девушка! Я ей говорю: чего-то у тебя имя какое-то религиозное! А она: я не виновата, родители назвали... Я ей сапожки добыл. Хромовые, офицерские. Она кирзовые носила, не свой размер, три портянки наматывала, у нее же размер маленький, женский, тяжело ей было в них, я ей: Кристя, хочешь сапожки хромовые? Она смеется: кто же не хочет? Я и добыл. Аккуратные, тридцать восьмой размер. У нее тридцать шестой был, но на портянку байковую – самое то.

Семен. Не даром, небось, достал? Расплатилась по полной?

Матвей. А?

Семен. Говорю – чем заплатила эта Кристя за портяночки? Ты же даром ничего не делаешь! А то, может, попользовался, а потом под расстрел ее? Чтоб не путалась под ногами? А? За имя религиозное! Давай, хвастайся!

Матвей. Я тебя сейчас, Семен... Вот людей не постесняюсь, я тебя так сейчас за клевету... Уйди отсюда сейчас же! Уйди от греха, сказал!

Семен. Сам уйди!

Люся. Э, э, э, тихо! Тихо! *(Кристине.)* И так все время.

Кристина *(листает бумаги в папке).* Странно, в один день родились, а даже не очень похожи.

Люся. Они не близнецы, двойняшки. Я слышала, женщина двойню даже от разных отцов родить может. Старички ничего, бодренькие. На вид больше восьмидесяти не дашь. А издали даже семьдесят. Что такое семьдесят в наше время? Если человек до этого не умер, конечно.

Кристина. Гипотоники?

Люся. Ну да. Оно лучше, чем гипертония, не подсакивает. Но в обморок падают иногда. *(Братьям.)* Давление меряли? Вам тонометр даром подарили, трудно что ли – измерили, записали! *(Идет к серванту, берет коробку с тонометром, тетрадь, садится за стол.)* Кто первый?

Матвей. У меня все нормально!

Люся. Нормально, не нормально, контроль нужен! Три раза в день! *(Кристине.)* Сестра дежурная мерить должна, а она не успевает. Да и не держатся сестры у нас. Зарплата маленькая, а народ тут проживает сложный, тяжелый. *(Братьям.)* Ну, не тянем, меряем!

Семен садится к ней, она меряет ему давление. Потом Матвею. Одновременно рассказывает.

Люся. У них история, Кристина Юрьевна, фантастика просто! Один воевал, второго посадили в лагерь. Потом этого ранили, забыла, кого ранили... Матвей Трофимыч, тебя ранили?

Матвей. А?

Люся. Ранили в ногу – тебя?

Семен. Он сам себя ранил!

Матвей. Не ври, сучок! Башку тебе отшибу когда-нибудь за вранье!

Люся. Тихо, а то давление неправильное будет! *(Кристине.)* Ну вот, этого ранили, его вылечили, но послали уже не на фронт, а в лагеря. Охранником. И он там встречается брата, представляете?

Кристина. Совпадение, да.

Люся. Еще бы! Один сидит, второй сторожит. Они потом полвека не видались, а то и больше. А потом у Матвея Трофимыча все умерли, он попадает к нам. А через лет пять и Семен Трофимыч. Там вообще криминал был, квартиру у него обманом отняли и продали, а его в психушку посадили. А кто-то из ветеранского комитета узнал, поднял волну. Всплыло, что у него брат есть, вот его к брату и... К нам, то есть. И опять, получается, сошлись. И с утра до ночи друг другу все припоминают. Главное, что пять минут назад было, они не помнят, а что тогда – наизусть! А ведь лет уже семьдесят прошло, если не больше!

Матвей *(Кристине)*. Я извиняюсь, вас Валентина прислала?

Кристина *(глянув на Люсю)*. Ну... В каком-то смысле.

Матвей. Есть, понял! Давно пора!

Он идет к шкафу, достает чемодан, начинает укладываться.

Люся. Матвей Трофимович! Ты куда это собрался?

Матвей. К Валентине. Машину из наркомата прислали? Там хорошие машины, багажники большие.

Семен. Из наркомата, а как же! А меня – в «воронок»! Пейте советское шампанское! *(Отходит к двери, тревожно.)* Гляньте в окно, приехали уже?

Кристина. Семен Трофимович...

Семен. К окну все встаньте! Вместе, чтобы оттуда не видно ничего было! Матвей, ну! Как брата прошу!

Кристина, Люся, Матвей идут к окну, смотрят. Семен бросается к серванту, достает какие-то бумаги, рвет их. Торжествует.

Семен. Вот так вот! Нет ничего! Не подкопаетесь!

Кристина *(Люсе)*. И часто у них так?

Люся. Периодически. Забывают, где и с кем. И в каком времени находятся. Я мучилась, пока слово не нашла. *(Громко.)* Поверка! Поверка! Строиться!

Семен бросается к своей кровати, наскоро заправляет ее, вытягивается рядом по стойке «смирно». Матвей встает перед ним.

Матвей. Фамилия?

Семен. Хорев!

Матвей. Номер!

Семен. К-671!

Матвей. Статья?

Семен. Пятьдесят восемь-десять!

Матвей. Срок?

Семен. Пятнадцать!

Матвей. Мало! Расстрелять вас, как бешеных собак!

Кристина. Не надо, перестаньте! *(Люсе.)* Нехорошо это как-то.

Люся. Зато работает. Сейчас все в норму придет, смотрите. *(В сторону.)* Дорогие зрители, вы видели пьесу из нашего прошлого! В роли братьев Семена Хорева и Матвея Хорева братья Семен Хорев и Матвей Хорев!

Бьет в ладоши. Кристина тоже хлопает. Братья кланяются.

Семен *(Кристине, галантно).* Мне кажется, мы где-то встречались.

Люся. Сто лет, а туда же! Хотя, кто его знает, может, у него тоже – эрекция!

Кристина. Люся!

Люся. Да шучу я! Сами скоро поймете, если тут не шутить, с тоски сдохнешь!

Она берет с серванта поднос, собирает на него обрывки бумаги, ставит тарелку с недоеденной колбасой, подхватывает занавески, уходит. Кристина подходит к Матвею.

Кристина. Значит, это вы моего дедушку убили?

Матвей. Чего говорите?

Кристина. Да так. Ничего. Отдыхайте.

Уходит. Семен садится на кровать. Матвей подходит к чемодану.

Матвей. Кто это тут бросил?

Семен. А?

Матвей. Чемодан чей?

Семен. Мой. Или твой. У нас одинаковые.

Матвей. Выселяют, что ли?

Семен. Кого?

Матвей. Не знаю. Тебя, наверно.

Семен. Куда? Без согласия не имеют права!

Матвей. Валентина не звонила?

Семен. Кто?

Матвей. Валентина!

Семен. Валентина – это жена твоя?

Матвей. Кто?

Семен. Валентина! Жена твоя! Она же жена твоя?

Матвей. Опомнись! Она умерла давно. А у тебя жив кто?

Семен. Нет никого. Сын старший умер, дочь... Тоже. Еще раньше... У сына детей не было, а у дочери был кто-то... Или тоже нет?.. Был, не был, какая разница, если сейчас никого? Вот я сам – жил, не жил, какая разница, если меня почти нет?

Матвей. А я есть!

Семен. Ну и радуйся.

Пауза.

Матвей. Я не понял, завтрак уже был или нет?

Семен. Чего гадать, поди да узнай.

Матвей идет к двери.

Матвей. Ты идешь?

Семен. Нет, голодный останусь!

*Встает, идет к брату. Они выходят.
Затемнение.*

2.

Братья смотрят телевизор. Торопливо входит Люся, в руках у нее ваза с цветами и новые розовые шторы. Она ставит вазу на стол.

Люся. Так, братики, встали, кровати заправили! В санузле нормально у вас? *(Заглядывает в санузел.)* Сейчас гости будут. С телевидения.

Она встает на стул, вешает шторы.

Люся. Але, я к кому обращаюсь? И оденьтесь по-человечески! Семен Трофимыч, это что у тебя на ногах?

Семен. А?

Люся. С какой помойки штаны?

Семен. Штаны как штаны.

Люся. Дыра, коленку видно!

Семен. Где? *(Смотрит.)* Ничего. Даже лучше – сквознячок.

Матвей. Он нарочно! Пусть все видят, какой он бедный, как его государство обидело! Неестественный ты, Семен. Неприятный. Все ты не просто так, все у тебя нарочно! *(Люсе.)* Правда, что ли, телевидение?

Люся. А с чего мне шутить? Одевайтесь, говорю же!

Матвей идет к шкафу. Достает костюм. Смотрит на него. Вешает обратно, достает парадный мундир полковника Советской Армии. Переодевается.

Семен. Куда рядишься?

Матвей. Телевидение снимать будет.

Семен. Чего?

Матвей. Телевидение приехало! Оделся бы тоже.

Семен. Обойдутся. В каком виде есть, в таком снимут.

Матвей. До трусов разденься тогда.

Семен. А надо бы! У них в телевизоре и так одни трусы. Реклама – трусы, кино – трусы. Да еще снимают и трясут перед всеми.

Люся смеется, слезает со стула.

Люся. А ведь точно сказал! Согласна, Семен Трофимыч, но, знаешь, бывают такие трусы, что приятно посмотреть. И под ними тоже. Если молодые люди – почему нет? *(Достает из шкафа брюки.)* Твои?

Семен. Вроде бы.

Люся. Давайте-ка оденем. *(Подходит, стаскивает с Семена его штаны с дырой.)* Ножки не поджимай, не мешай мне! Рубашку дать?

Семен. Давай.

Люся достает из шкафа рубашку, помогает Семену надеть ее. Тем временем Матвей надел мундир. Смотрится в зеркало.

Люся. Красавцы! Женихи!

Входят Кристина, Лета, Арсен.

Кристина. Видите, как у нас тут из-за ремонта? Не повернуться. Может, в холле устроимся? Там уютно – кресла, ковер, цветы везде.

Лета. Мы снимать сейчас не будем, поговорим предварительно, а приедем прямо в день рождения. Репортаж такой. Кто юбиляр?

Кристина. Оба. В один день родились.

Лета смотрит на Арсена. Тот достает телефон, заглядывает.

Арсен. Матвей Трофимович нам нужен.

Люся. Это вот он. Герой!

Лета. Хорошо. Мы, чтобы не толпиться, посидим, поговорим с ним, а вы подождите там пока, хорошо?

Кристина. Извините, не получится. Он больной и пожилой человек, нужен постоянный контроль!

Арсен. Кристина Юрьевна, я же объяснил, вам не о чем беспокоиться. Руководству канала нужен только позитив, мы ваши секреты разведывать не собираемся.

Люся. Какие еще секреты? Никаких секретов! Да у нас образцовое учреждение, сплошные грамоты от министерства!

Арсен. Вы кто?

Люся. Администратор по хозяйству. Сестра-хозяйка, если проще. Людмила.

Арсен. Очень приятно, Арсен, продюсер, а Леточка у нас ведущая, звездочка. И тоже продюсер начинающий. Смена поколений!

Лета. Виолетта меня зовут. Можно Лета. Не Леточка.

Арсен. У нас на весь город один такой ветеран, поэтому мы хотим все масштабно. Школьники придут с поздравлениями, мэр приедет, делегаты от союза ветеранов, а мы все это заснимем, а потом небольшое интервью с виновником торжества. В чем проблемы?

Кристина. Да нет проблем, мы идем навстречу, но вы как-то странно... Почему вы нас просите удалиться, не понимаю.

Арсен. Хорошо, оставайтесь, но всем-то зачем? Дедушке вот скучно будет, пусть прогуляется пока.

Люся. Он его родной брат, между прочим!

Арсен. Да? Как фамилия?

Кристина. Естественно, та же, Хорев. Хорев Семен Трофимович.

Семен. Их бин хир! О чем тут речь, кто скажет? Где телевидение?

Арсен. Мы телевидение.

Люся. Говорите громче, он плохо слышит.

Арсен. Мы телевидение! А вы тоже ветеран?

Семен. А как же! Шестьдесят лет трудового стажа!

Арсен. Тоже воевали?

Семен. Хуже! Отбывал несправедливый срок в лагерях, чуть не помер там. Один раз за труп приняли. Подъем на работу, а я не могу. Хоть убивай меня – не встану! Они меня потыкали, говорят – все, из него уже пар не идет! То есть, даже не заметно, что дышу, вот до чего сил не было! Меня за руки, за ноги – несут. На мороз вынесли, чую – телогрейку снимают. Я вцепился: не тронь, мое! Ах, ты живой?! И по зубам мне. *(На Матвея)*. А он руководил.

Матвей. Врешь! Меня над тобой там не было, мы один раз только встретились, я тебя потом даже не видел!

Арсен. Минутку. (Матвею.) Вы там кем были?

Матвей. Неважно! Главное – я полвойны прошел!

Семен. Да ты месяца не воевал! А потом ногу прострелил себе!

Матвей. Убью!

Бросается на Семена. Семен отталкивает его, Матвей падает. Его поднимают Люся и Арсен.

Семен. Не на того напал! Тоже мне! Мундирчик напялил, цапки нацепил! А вы приглядитесь, на что эти медальки похожи! На голову человека вверх ногами! Каждая медаль – человек! Пристрелил врага народа – получи!

Матвей. Врешь! Врешь, гад, это за войну, за лагеря ни одной награды нет! И я в людей не стрелял! А тебя бы вот сейчас – с удовольствием! Прямо в глаза твои бесстыжие! Полную обойму!

Семен. Стреляй, падла! На!

Люся. Семен Трофимыч, да уйди ты, не дразни его! Прогуляйся во дворике, погода отличная!

Семен. Нехорошо мне.

Кристина. Пойдемте, давление проверим, пульс посчитаем, пойдемте!

Она выводит Семена.

Матвей (Люсе, щелкая пальцами). Дай мне!

Люся. Чего? Корвалольчику?

Матвей. Нет! Дай... (Прикладывает два пальца к губам.) Сюда дай!

Люся. Закурить, что ли? Ну нет, это даже не надейся!

Матвей. Молчать! (Арсену.) А ты кто такой? Отошел на пять шагов! Закурить мне быстро!

Люся. Ладно, ладно! Пойдем на балкончик, вместе покурим... на свежем воздухе...

Она выводит Матвея на балкон.

Лета. Ничего себе... А если во время репортажа они скандалить начнут?

Арсен. Репортаж не прямой, смонтируем.

Лета. Ты не понимаешь? Нам поручение дали от мэра – организовать. Не только снять, а организовать, есть разница? Это моя первая серьезная работа. И что будет? Сразу все и провалю?

Арсен. Да ладно, попросим дать транквилизаторов каких-нибудь, чтобы не бушевали... Но какая тема, Леточка!

Лета. Не Леточка, Арсен, я просила!

Арсен. Мы же одни.

Лета. Одни, не одни – привыкай.

Арсен. Раньше нравилось.

Лета. Диктую по буквам: у нас три месяца уже ничего нет. И больше не будет. Все, закрыли этап. У тебя жена, ребенок, у меня своя жизнь, свои дела.

Арсен. Какие дела? Подмосковные вечера снимать? Большие проблемы маленького города? Ты хочешь засветиться на всю страну?

Лета. И засвечусь, не волнуйся.

Арсен. Ты послушай! Мы делаем документальный фильм. Так и назовем: «Два брата». Один был репрессированный, второй, наоборот, репрессиями занимался. И всю жизнь друг друга ненавидят, но вместе живут. Надо, кстати, узнать, почему. Посадить их перед камерой – и пусть вспоминают, пусть ругаются, а лучше, если подерутся. И

перебиваем хроникой. Без текста – просто картинки. Хроника, старые фотографии. Лагеря, лагеря, лагеря! Заключенные – в тряпках, худые, голодные! Лес валят, каналы капают! А потом – кровавые гэбисты или... Как их тогда называли? *(Быстро что-то ищет в телефоне.)* Энкавэдэшники, вот! Холеные, сытые! Охраняют, празднуют что-то, в парадной форме снимаются! Жизнь – и смерть! Контрасты! И не где-то там, а вот тут, живые свидетели и участники! Это будет бомба! Берлинале, Канн, Локарно, Шанхай! Все фестивали наши будут!

Лета. Арсен...

Арсен. И ты в кадре! Тоже контраст – старость, умирание, а рядом – молодость, красота! Я даже возбуждаюсь от этого.

Лета. Остынь! В кадре меня не будет. Ты как маленький, Арсен, даже смешно. Такой наивный. Сам же знаешь, сейчас в тренде национальное примирение, единство, все дела. Тебе никто денег на это кино не даст.

Арсен. И не надо! На телефон сниму! А хроники в интернете полно, в свободном доступе! Когда я учился, нам мастер говорил: главное – найти героя и тему. И вот оно – и герои, и тема!

Лета. Хорошо. Может быть. Но – потом. Сейчас нам надо сделать так, как от нас ждут. Это ты понимаешь?

Арсен. Понимаю.

Лета. Отлично! Тогда давай – как-то улаживай все это. Пусть их разведут, у нас репортаж про одного намечен, он ветеран, а этот только путаться будет. Потом делай с ним, что хочешь, а сейчас нам нужен только тот. Это понятно?

Входят Люся и Матвей. Люся ведет Матвея к кровати, помогает лечь.

Люся. Сейчас приляжешь, все будет, как надо... Вот так... И лежи, отдыхай...

Лета. Ему плохо?

Люся. Устал. Они быстро устают. По пять раз на дню спать укладываются.

Матвей лежит, но вдруг резко приподнимается, садится на кровати. Осматривается.

Матвей. Я где?

Люся. У себя.

Матвей *(смотрит в окно)*. А там что?

Люся. Балкон. Мы там только что были.

Матвей. Нет, там, дальше?

Люся. Дерево.

Матвей. Два было. Спилили?

Люся. Должно быть. Старое, вот и спилили.

Арсен *(Люсе)*. Извините, можно...

Люся отрицательно качает головой: не сейчас, помолчите.

Матвей. А Валентина где?

Люся. Вышла. Ты полежи, полежи. Давай, сниму китель твой, а то помнется, медальки растеряешь.

Она снимает с него китель. Матвей смотрит на него.

Матвей. Кого хоронили?

Люся. Никого не хоронили, с чего ты взял?

Матвей. Парадная форма. Я ее только на День Победы надеваю. На Первое мая еще. На Седьмое ноября. И когда хороним. Сейчас лето, праздников нет. Кого хоронили?

Люся. Да никого, а просто к тебе вот телевидение приехало, чтобы тебя снять в связи, что тебе сто лет.

Матвей. Когда?

Люся. Через две недели.

Матвей. А Семен? Вот оно что... *(Начинает плакать.)* Не дожил, значит... Закопали Сему...

Люся. Да живой он! Живой! *(Арсену, Лете.)* Сбегайте быстренько к Кристине, он у нее где-то там! Или покараульте, я сама.

Лета. Мы сходим. Арсен?

Арсен. Сбегай, ты моложе.

Лета. Надо поговорить!

Арсен. Потом поговорим, не видишь – плохо человеку, считает, что брат умер!

Лета выходит, очень недовольная. Арсен берет стул, подсаживается к Матвею.

Арсен. Матвей Трофимович, успокойтесь, вы напутали, ваш брат жив, сейчас придет!

Матвей *(вытирая слезы).* Да? А где он?

Арсен. Да идет уже!

Матвей. А Валентина где?

Люся. Тоже будет. Попозже.

Арсен. А вы, значит, встречались с братом? Там, в лагерях? Как это было?

Люся. Нашли время спрашивать!

Арсен. Ничего, ничего, извините, забыл, как вас?

Люся. Людмила Ивановна.

Арсен. Прямо по отчеству? А без него можно? Вы же не старше меня. Как вы привыкли? Люда, Мила, Люся?

Люся. Ну, Люся...

Арсен. Люся, ветераны любят вспоминать прошлое. Пусть поделится, отвлечется. *(Матвею).* Вы кем служили?

Матвей. Ординарец был у товарища полковника Сухотина. С боями с ним прошли от Курска до Белостока. Он меня обещал послать учиться, но не успел, убило его. Его убило, а меня ранило. Одной бомбой накрыло. Он впереди стоял, я сзади, его насмерть, я уцелел. Можно сказать, он меня закрыл своим телом. Вот какие были люди! ... А где Кристя?

Люся. Кристина Юрьевна? Сейчас придет.

Матвей. Старая, наверно, уже?

Люся. Да не очень.

Арсен. Это кто?

Матвей. Любовь моя фронтовая. Я ей сапожки, было дело, достал. Она в кирзовых ходила, три портянки наматывала, не было ее размера. А я ей офицерские добыл, хромовые. Почти по ноге. Наваксил их – посмотреть можно было. Принес, говорю – примерьте. Она говорит: потом, я при вас стыжусь. Чего стыдиться, это ж сапоги, а не... Не кальсоны какие-нибудь. А она мне: я не то стыжусь, что сапоги, а что я ноги неделю не мыла, не хочу вам показывать. Я говорю: так давай я тебе воды принесу горячей с кухни. Что вы, что вы, как это вы мне воду потащите, неудобно! Я сама! Нет, сиди, жди. Принес. А она меня выгнала, стеснялась при мне ноги мыть. Ножки свои. Тридцать шестой размер. А портяночки у нее были... Как кукольные... Как носовой платок, не больше...

Арсен. Это все очень интересно, но я не про это. В лагерях вы кем были? Некоторые считают, что это было плохо, там служить, но ведь служба есть служба, да? Куда пошлют. И вы, наверно, искренно верили, что они враги народа?

Матвей. А кто же они еще? И тогда были, и сейчас есть. *(На Люсю).* Она вот – чистый враг!

Люся. Спасибо, Матвей Трофимович!

Матвей. Пожалуйста! То и дело у холодильника нашего пасется! Думает, я старый, ничего не помню! А я помню! *(Идет к холодильнику, открывает дверцу.)* Вчера я тут кефир поставил – где? В столовой не захотел пить его, думаю, вечером выпью или завтра. Поставил сюда. Сунулся – нет! Скажешь, не ты украла?

Люся. Не украла, а выкинула! Он пять дней там стоял, закис, я и выкинула! Вы там с братом все время ставите про запас, а не пьете!

Матвей. Пью или не пью – мое дело! А чужого не трожь!

Арсен. Матвей Трофимович, а все-таки – как вы встретились с братом?

Матвей. Где?

Арсен. В лагере.

Матвей. А тебе-то что? Ты кто?

Арсен. С телевидения, продюсер.

Матвей. Документы покажи.

Арсен. Зачем? Нет, пожалуйста... *(Достает паспорт.)* Вот.

Матвей. Чего ты мне паспорт суешь? Удостоверение давай!

Арсен. У меня не удостоверение, пропуск, карточка. Я продюсер, а у продюсеров, у режиссеров, у них... Вот Михалков, например, он режиссер, но, думаю, вряд ли у него есть удостоверение, что он режиссер.

Матвей. А как же? На слово верят, что ли?

Арсен. Именно.

Матвей. Так. Все понял. Не морочь мне голову, до свидания!

Арсен. Матвей Трофимович...

Матвей. Ушел отсюда, говорю тебе! Быстро!

Арсен готов уйти, но тут входят Кристина, Лета и Семен.

Люся. Ну вот, и слава богу, и братик пришел!

Матвей. Семен... Живой!

Обнимает брата, хлопает по плечам.

Матвей. Да ты садись, садись... Спасибо, что навестил. А я вот, видишь, в больничке припухаю... Старость, что ты хочешь! Ты один пришел? *(На Лету.)* Это не дочка твоя?

Лета. Нет!

Семен. Совсем ты беспамятный стал, Матвей. Я тоже тут живу.

Матвей. Где?

Семен. Тут, в этой комнате. В доме престарелых.

Кристина. В доме ветеранов!

Матвей. Тоже заболел?

Семен. Оба мы больные с тобой. Неизлечимо.

Матвей. И ты, значит, тут? У меня?

Семен. Это ты у меня. Подселили.

Матвей. Вспомнил! Ремонт! Я основные вещи помню, а по мелочам забывать стал. Подводит иногда память, не отрицаю. Что есть, то есть. А это кто у нас? Людмила, кто это?

Люся. Это директор наш новый, Кристина Юрьевна. А это с телевидения, снимать будут про вас передачу.

Матвей. Ясно... Кристина, значит? Была у меня одна подруга. Или даже больше, чем подруга. Тоже Кристина звали.

Семен. Поехал! Про сапожки еще расскажи.

Матвей. Про сапожки? Расскажу, почему нет. Как пример боевых будней во всей их простоте. Была у нас такая Кристина, санитарка...

Семен. Хватит, надоел ты всем своей Кристиной!

Матвей. Не тронь! Женщина на войне, ты даже представить не можешь, как это тяжело!

Семен. Зато я в лагере их повидал! Зимой мимо нас гнали, мы дорогу там чистили, а их гнали. Идут, я вижу, след кровавый. А молодой был, совсем не знал ничего в женских особенностях. Сдуру говорю напарнику, тот пожилой был: раненая, что ли, идет? А он: дурак, у нее, наверно, месячные, а подоткнуться нечем. Да и не дают остановиться лишний раз. Потекла – ну, и теки. Ничего, говорит, собаки тоже текут, суки которые, а не подтыкаются, так бегают. Я ему: дядь Петь, но мы же не собаки! А он мне: мы хуже! Собаку хозяин кормит и работать не заставляет, если только сторожить. А нас не кормят, а работать велят! (*Матвею.*) Помнишь, Матюша, как мы повидались? Я еле стою, ветром шатает, ребра посчитать можно, а у тебя рожа, как арбуз, только что не зеленая, а красная. Ты меня не узнал даже! Я тебя окликнул, ты подошел, а сам по сторонам смотришь! Как бы тебя не уличили, что у тебя брат враг народа.

Матвей. Врешь! И так все знали! Знали, что враг, а все равно доверяли! Справедливые были! Беседовал со мной один из Москвы, на инспекцию приезжал, я ему сам все выложил. А он мне: ты, говорит, не виноват, что брат враг. Ты, говорит, не сторож брату своему!

Семен. Гляньте, как распелся! Гордится, что людей губил! И спит спокойно! По-хорошему знаешь, что мне сделать надо? От имени всех? Придушить тебя ночью подушкой, да и все! Месть народа в моем лице!

Матвей. Не успеешь! Я тебя сам придушу!

Кристина. Поверка! Становись!

Семен вскакивает, Матвей встает перед ним.

Матвей. Кто кричал? Кто кричал, спрашиваю?

Семен. Никак нет, никто не кричал, гражданин начальник!

Матвей. Ну и молчи!

Семен. И молчу!

Пауза.

Лета. Это, конечно, не мое дело, но, мне кажется, вам надо найти возможность их расселить. Представьте, придет поздравлять мэр, другие люди, а тут...

Кристина. Да, так и сделаем.

Арсен. Этого, значит, поздравлять будут, а этого нет?

Люся. Почему? Тортик купим, сядем... Как обычно.

Арсен. Я не об этом. Разве Семен Трофимович не заслуживает почета от мэра?

Лета. Давай не здесь, Арсен. В рабочем порядке.

Кристина. Мы все сделаем, не волнуйтесь. (*Люсе.*) У нас ведь Чижов один?

Люся. С Чижовым нельзя, пробовали, он всех гонит. Дерется, да так больно. Меня за руку вот тут ухватил, неделю с синяком ходила. Старые, они же как дети, они силу не рассчитывают. Внучка вон моя иной раз так шарахнет! Не понимает, что больно. Мы

можем нижнюю кладовку оборудовать, она нормальная, с окном. Матрасы в подвал спустим, а Матвея Трофимыча туда. Или Семена.

Семен. Лечь можно?

Люся. Да ложись, конечно. *(Матвею.)* А ты сними мундир пока свой и отдохни тоже.

Семен ложится, Матвей отходит к шкафу, начинает переодеваться.

Арсен. Столетнего ветерана – в кладовку?

Лета. Тебе же сказали – с окном! И это не наше дело! Все, спасибо, мы еще приедем все обговорить. Учитывая, что мероприятие на контроле у мэра, можно что-то такое попросить в честь юбилея. Телевизор новый или... Что вам нужно?

Люся. Система сигнализации нам нужна! Как в нормальных домах – у каждой койки кнопочка, чтобы помощь вызвать. До сих пор голосом все кричат, если что надо. А еще лучше – датчики такие у каждого. Давление мерять, как сердце работает, даже, говорят, контроль сахара можно мерить.

Кристина. Не все сразу, Людмила Ивановна.

Арсен. А вы пользуйтесь ситуацией, просите! Леточка... Лета мэру передаст, она с ним в очень дружеских отношениях.

Кристина. Правда?

Лета. Ну, не в дружеских, но... Пойдемте, Кристина Юрьевна, обсудим. Арсен!

Арсен. Я тоже нужен?

Лета. Конечно. *(Громко.)* До свидания, Матвей Трофимович! До свидания, Семен Трофимович!

Лета, Кристина и Арсен уходят.

Люся. Ну вот, радуйтесь, расселят вас наконец!

Матвей. Чего?

Люся. Ничего. Я вот сама тоже с сестрой сойдуся, видимся раз в год, и вроде скучаю, а начнем общаться – тут же что-то вспыхивает. Слово за слово, и пошло, и пошло! И такая у нас злоба, такая ненависть, что... С чужими, и то не так. Нет, это понятно, мы чужих так сильно ненавидеть стесняемся, а со своими отводишь душу. Как говорится, кого люблю, того и бью. Давление сами смеряете или прийти? А, все равно не слышат. Ладно, приду, проверю.

Уходит.

3.

Ночь. Братья спят. Семен просыпается, приподнимается. Долго сидит, всматриваясь в темноту.

Семен. Есть кто живой?

Матвей просыпается. С трудом садится.

Матвей. Чего такое?

Семен. Ты тоже тут?

Матвей. Где?

Семен. Там же, где и я. Помнишь, днем люди были?

Матвей. Инспекция?

Семен. Выселить нас собираются.

Матвей. Куда?

Семен. Да уж не на курорт!

Матвей. Я не хочу.

Семен. И я не хочу, а что мы сделаем?

Матвей. Бежать надо. Там они нас не достанут.

Семен. Где?

Матвей. На воле.

Семен встает, идет к двери, приоткрывает ее.

Матвей. Чего там?

Семен. Свет горит. Заметят. Или на выходе накроют.

Матвей встает, идет к серванту, роется в ящиках. Показывает Семену штопор.

Матвей. Хорошая штука.

Семен. Не надо. Они не виноваты, что их поставили. *(Идет к балконной двери, открывает, выходит, возвращается.)* Балкон.

Матвей. Какой этаж?

Семен. Первый. До земли метр где-то. Я-то ничего, а как ты с твоей ногой?

Матвей. А что нога? *(Щупает ногу.)* Ничего, справлюсь. Собирай вещи!

Семен начинает собирать вещи в чемодан. Матвей достает свой чемодан. Некоторое время укладываются молча, потом Матвей начинает смеяться. Семен вопросительно смотрит.

Матвей. Умные мы! Как мы с чемоданами полезем? Бросить надо все, так уйдем!

Семен. Я слезу, ты мне чемоданы сбросишь.

Матвей. Тоже верно.

Собираются.

Матвей. Постой. А там как? Там же забор!

Семен. Перекинем.

Матвей. А сумеем?

Семен. Я сумею.

Собираются.

Семен. Ну, все... Присядем на дорожку?

Они садятся на кровати. Осматриваются.

Матвей. Может, останемся?

Семен. Мы-то останемся, да не оставят.

Матвей. Жалко. Хорошо жили тут.

Семен. Неплохо, да. Ну, пошли!

Они встают, берут чемоданы, идет к балкону. Скрываются на балконе. Некоторое время тишина. Потом вскрик.

4.

День. Матвей переключает телевизионные каналы. У кровати Семена стоят ходунки. Семен сначала лежит, потом приподнимается, с трудом садится.

Семен. Матвей! Матвей! Матвей?

Матвей. Чего?

Семен. Потихе можешь сделать?

Матвей. А?

Семен. Тише сделай!

Матвей убавляет звук. Семен тянет руку к ходункам.

Семен. Помоги!

Матвей подходит, придвигает ходунки и придерживает их. Помогает Семену встать.

Матвей. Куда тебе?

Семен. В туалет.

Они перемещаются к туалету.

Матвей. Был я один хромой, теперь оба. И давно ты?

Семен. А?

Матвей. Давно охромел?

Семен. Не помню. Дверь открой.

Матвей открывает дверь санузла. Семен входит туда, оторвавшись от ходунков, держась за косяки.

Матвей. Помочь?

Семен. Справлюсь.

Он скрывается в санузле. Входит Люся с подносом.

Люся (*ставит с подноса тарелки на стол*). Все нормально у вас?

Матвей. Более-менее.

Люся. Тут тебе тоже. Вместе позавтракаете. Где брат-то, в туалете? (*Заглядывает в туалет.*)

Голос Семена. Закрой, курва!

Люся. Ну, ну, ну! Не обзывать!

Матвей. Ты в самом деле... Он мужчина все-таки.

Люся. Инвалид он, а не мужчина! Что с ним случится – кто отвечать будет?

Матвей. С ним случится, он и ответит! (*В сторону санузла.*) Не расслаживайся, завтрак стынет!

Люся уходит. Семен выходит из санузла. Держась за ходунки, идет к столу. Садится.

Семен. Чего тут?

Рассматривает кашу в тарелке, берет ложку, ест. Матвей садится рядом, тоже ест.

Семен. Соль не подашь?

Матвей. А?

Семен. Соль!

Матвей. Да нет, нормально.

Семен. А мне не нормально. Соль подай!

Матвей. Вредно.

Семен. Я тебя не спрашиваю, вредно или нет!

Матвей. Я раньше тоже соли много ел. А потом смотрю, у меня суставы, как шишки сделались. Согнуть пальцы больно.

Семен. Артроз?

Матвей. Чем я их не мазал – без толку. А потом сократил соль – лучше стало.

Долго молча едят.

Входит Арсен.

Арсен. Здравствуйте! Приятного аппетита!

Матвей. Да мы уж поели.

Арсен. Отлично! Помните меня? Я с телевидения, продюсер и режиссер. Арсен меня зовут.

Матвей. Почему?

Арсен. Что?

Матвей. Почему Арсен? Грузин?

Арсен. Армянин. Папа армянин. Тбилисский. А я даже армянского языка не знаю. Стыдно, но факт. Помните, вы обещали мне дать интервью? Семен Трофимович, помните? Интервью обещали дать мне! Вы оба! Можете прямо тут и сидеть, только рядом. Матвей Трофимович, вот сюда пересядьте, ближе к брату. А где ваш мундир? Тут? *(Открывает шкаф.)*

Матвей. Не лезь!

Арсен. Я для вас. Чтобы в полном параде. *(Помогает Матвею надеть китель.)* Вот, отлично!

Семен. Мне пиджак подай.

Арсен. Не обязательно, у вас и так все хорошо.

Матвей. А брюки?

Арсен. Зачем? Я вас только до половины буду снимать, сверху.

Арсен устанавливает небольшую камеру на раздвижную стойку.

Арсен. Ну что ж, начнем! Матвей Трофимович, вам не кажется, что ситуация в нашей стране в каком-то смысле опять повторяется? Я имею в виду идейный раскол нации. Одни за власть, другие против, все друг с другом ругаются, ведь так? А потом те, кто оправдывали любые действия власти, будут говорить: мы не понимали, мы думали, что все это в интересах государства! И вы, наверно, сейчас так говорите, потому что вам ведь надо как-то оправдывать себя. Правильно? Мне интересно, какие аргументы вы находите в свое оправдание? Неужели необходимо было убивать и мучить миллионы людей для государственной пользы? Неужели это была обязательная цена светлого будущего? Но почему тогда цену заплатили, а светлое будущее никак не наступит?

Пауза.

Арсен. Говорите, запись идет.

Матвей. Чего говорить-то?

Арсен. Я вопрос задал.

Матвей. Это ты вопрос сейчас задавал? Я думал – просто так что-то говоришь. Я и не расслышал.

Арсен. А аппараты слуховые есть у вас?

Матвей (Семену). Аппараты есть у нас? Слуховые?

Семен (показывает на сервант). Там. В ящике.

Арсен торопливо идет к серванту, выдвигает ящики, находит аппараты.

Арсен. Вот! Давайте вставим! А то вдруг вы меня не так поймете, неудобно будет.

Матвей. Не люблю я его. *(Берет, вставляет.)*

Семен (тоже вставляет). Ну, началось! Как водопад в ухе шумит. Даже машины слышу на улице.

Арсен. Вот и хорошо. Давайте с вас начнем, Семен Трофимович. Как вы считаете, ради чего были все эти жертвы? Ведь есть же у вас обида на государство, на тех, кто безропотно выполнял волю власти, на своего брата? Как вы думаете, что им двигало? Просто дисциплина или что-то сознательное? А может, трусость?

Матвей. Ты про кого?

Арсен. Сейчас, Семен Трофимович ответит, потом вы. Для примера: у меня вот друг – театральный режиссер. В небольшом театре работает, в провинции. Худрук он там. Как-то выпивали, и он говорит: что опять за время, ничего тронуть нельзя. Религии лучше не касаться, политики не касаться, Крыма не касаться! Я, говорит, чиновника из отдела культуры спрашиваю: а если в пьесе герой скажет – Крым наш? Это-то можно? А он мне: знаю я ваших актеров, а вдруг он это скажет как-то ехидно? Нет, лучше вообще не трогать. Все, говорит, это не чиновник, режиссер говорит, все, говорит, бздят чего-то, но главное, никто толком объяснить не может, чего бздит! Ведь не расстреляют, не сошлют, в тюрьму не посадят – ну, хотя исключения бывают, сажают кой-кого... Почему такое бздо в стране сверху до низу? Чего боимся?

Семен. Это мне вопрос?

Арсен. Нет, вам вопрос про то время: как вы считаете, ваш брат был исполнителем сознательным или из страха?

Матвей. Я сам скажу!

Арсен. Конечно, но мы сначала брата послушаем.

Семен. А чего тут слушать? Сознательный, не сознательный, главное-то что? Что он родного брата мог спасти, а не спас!

Матвей. Как я мог? Я у вас там в командировке был на один день, в конвое! Я тебя видел полминуты всего!

Семен. Но видел же! Мог узнать, как я там, чего, может, умираю уже!

Матвей. Узнавал! А сделать ничего не мог!

Семен. Написать мог хотя бы, чтобы меня смягчили?

Матвей. Кому? Или ты не знаешь, в какой сортир эти письма бросали? А с твоей статьей тем более! И откуда я знал, кто ты на самом деле? А если изменник родины, кто тогда я получаюсь?

Семен. Сучий ты потрох, это я – изменник родины? Враг народа?

Матвей. Мы с тобой до этого лет пять не виделись! Может, ты перекрасился?

Семен. В какой цвет я перекрасился, сволота? Я, кроме родного красного, советского, никакого цвета не знал! Я коммунизм любил! А мы меня чуть не сгноили за это!

Матвей. Я, что ль, тебя гноил?

Арсен. Пойдите, пойдите! Матвей Трофимович, речь идет не столько о личной вине, сколько о вине, так сказать, исторической, когда...

Матвей *(машет рукой)*. Да не зуди ты! *(Семену)*. По твоей статье, чтоб ты знал, мог расстрел выйти! Тебя еще пожалели! А ты теперь на советскую власть обижаешься!

Семен. Врешь, сука! Я против советской власти ни разу слова не сказал! Я наоборот... Был у нас один, начал против коммунизма агитацию ползучую, я ему сразу – в рожу! Не тронь святого!

Матвей. И правильно!

Семен. Да нет, это еще не все, ты дослушай! Потом вел меня один... Кругом пусто, голая степь, и он мне так тихонько... А сам смеется, зараза... Смеется и говорит: ты, говорит, значит, прямо до костей коммунист? Я говорю: да. А я, говорит, бывший беспризорник, а на самом деле кулацкий сын. Только ты этого не слышал, а если сбрехнешь, я скажу, что клевета, а потом лично тебя за побег пристрелю. И мне, говорит, приятно, что ты, коммунист паршивый, тут сдохнешь! Чем я вас тут больше закопаю, тем мне приятней! Вот о чем суть, Матвей! Что ты на самом деле врагам народа служил, а настоящих коммунистов закапывал!

Матвей. Врешь, гнусь! Задавлю! Чтобы я... Чтобы... Убью!

Пытается встать, валится на бок, сползает на пол.

Арсен. Матвей Трофимович! *(Склоняется, осматривает, щупает пульс.)*

Семен. Чего он там?

Арсен. Он... Нехорошо стало, наверно. Вы лучше знаете, кого позвать, а я... *(Торопливо складывает подставку.)* Если спросят, скажите – заходил навестить, а потом ушел, а брату плохо стало.

Семен. Что с ним, спрашиваю?

Арсен. Я же не врач, откуда я...

Семен. Зови кого-нибудь, я же не ходячий почти!

Арсен. Да? А что случилось? Позову, конечно. У вас, наверно, и так обход регулярно...

Он хочет выйти, но сталкивается с входящей Люсей.

Люся. Это чего тут такое? Семен Трофимыч? Чего брат-то лежит? *(Подходит к Матвею, осматривает.)*

Арсен. А я вот зашел... Обговорить, как и что... Смотрю, а он лежит... Хотел позвать кого-то, а тут вы... Что с ним?

Люся. Помер, похоже.

Арсен. Правда? То-то я не понял, вхожу, а он тут на полу... А Семен Трофимыч, наверно, даже не сообразил. *(Семену)*. Вы же помните, да? – я вошел, а он лежит!

Семен. Людмила, правда, что ли?

Люся. Никуда не отходите, я сейчас.

Семен. И прямо сделать ничего нельзя? Прямо совсем, что ли? Господи...

Он плачет, Люся выбегает.

Арсен. Не понял, мне-то зачем тут... Я не врач... Пойду, наверно...

Вбегают Люся и Кристина. Арсен понемножку, по шажку приближается к двери и выходит. Кристина смотрит в глаза Матвея, щупает пульс.

Кристина. Да.

Люся. Я сразу поняла. Сколько их уже при мне... А все равно – не привыкну. Как это? – вот только что был человек, и нет его.

Семен. Чего вы там? Делайте что-нибудь!

Кристина (Люсе). Сазонова здесь у нас?

Люся. С утра была.

Кристина. Позовите. И с вахты, там мужчина крепкий у нас сегодня, пусть придет, поможет поднять, на каталку положить.

Люся. Это Гена, не придет он, грыжа у него. Да мы и сами, не в первый раз.

Она выходит, Кристина распрямляется.

Кристина. Ну вот, Семен Трофимович...

Семен. Умер все-таки?

Кристина. Извините...

Затемнение.

5.

Грузчики выносят то, что принадлежало Матвею – кровать, тумбочку, кресло.

Семен лежит на кровати.

Появляется уборщица. Мойет пол. Уходит.

Семен остается один.

Приподнимается. Садится на кровати. Долго сидит так, глядя перед собой. Дотягивается до ходунков. Встает. Делает несколько шагов. Отставляет ходунки. Идет без них. Получается, только хромает.

Он идет к холодильнику. Открывает дверцу, смотрит. Закрывает. Идет к кровати. Садится, смотрит перед собой. Берет пульт, включает телевизор. Переключает каналы. Выключает. Встает, идет к холодильнику. Открывает дверцу, смотрит. Закрывает. Идет к серванту, открывает дверцы и ящики. Будто что-то ищет, но не помнит, что.

Идет к кровати, садится. Включает телевизор. Ложится.

Поднимается, идет к холодильнику, берет оттуда сверток, выходит из комнаты.

Довольно долго не возвращается. Пустая комната, работающий телевизор.

Семен входит со сковородкой. Осматривается. Выходит.

И опять входит. Ищет подставку под сковородку. Находит, кладет на стол, ставит на нее сковородку.

Садится, пробует. Картошка с колбасой. Встает, идет к серванту, что-то ищет. Не находит. Озирается. Видит на столе солонку. Возвращается к столу, солит еду. Ест. Встает, идет к холодильнику, открывает дверцу, смотрит. Берет стакан с белой жидкостью, нюхает, ставит обратно. Идет к серванту, там тоже что-то ищет. Не находит, возвращается к столу. Ест.

Он ест столько, сколько реально нужно, чтобы съесть полную сковороду картошки с колбасой.

Включает чайник. Заваривает чай. Пьет чай – тоже довольно долго.

Зрителям должно показаться, что в течение полчаса ничего не происходит.

Затемнение.

6.

Семен входит в комнату с балкона. Одновременно входят Люся и Кристина.

Люся. Опять курил?

Семен. А?

Кристина. Да ладно. Семен Трофимович, сами уже ходите? Упасть не боитесь?

(Люсе). Давно без ходунков?

Люся. Вчера с ними был. Быстро поправляется, даже странно.

Кристина. Семен Трофимович, как себя чувствуете?

Семен. Нет его.

Кристина. Кого?

Семен. Семена. Умер он.

Кристина *(Люсе).* Не поняла. Заговаривается, что ли?

Люся. Может, чудит? Семен Трофимыч, ах, ты нас не пугай, ты Семен Трофимыч, а брат твой, Матвей Трофимыч, Царство ему небесное, умер! Печально, но факт!

Семен идет к столу, наливает себе чай.

Люся. Семен Трофимыч, не поняла, ты понял или нет?

Семен смеется. Люся и Кристина переглядываются.

Семен. В детстве нас тоже путали. Хоть и не близняшки, но похожие. Школа у нас в деревне была хорошая, большая, семилетка. С других сел учились, в интернате жили... Чего я про интернат-то? Я про что говорил?

Люся. Про то, что ты Семен Трофимович!

Семен. Вспомнил! Экзамен мы сдавали в интернате. Школа на ремонте была, а мы там... Интернат такой длинный, как сарай, один этаж, в саду, деревья кругом. Темно там было. Не так, чтобы как ночью, но темновато. И мы сдавали математику. Учитель у нас был – Ерминингельд Иоганнович. У нас до этого голод был жестокий, в тридцать третьем, еле ползали, так он нам что сказал, говорит: вы слабые, выговорить меня не можете, поэтому разрешаю – Гельд Иваныч. А это был уже год тридцать пятый или шестой, он говорит: все, вы отъелись, давайте меня опять – Ерминингельд Иоганнович! И он был слепой. Не совсем, но... Плохо видел. А я, как-то получилось, математику хорошо знал, а Семен...

Люся. Матвей!

Семен. Не путай! Семен математику не очень. И подбил меня – ты сдай сначала, а потом пережди и опять к нему иди. Он не разберет. Ну, ладно, так и сделал. Сдал и через человек пять иду снова. Отвечаю – от зубов отскакивает. И тут Верка Канашкина, дурочка рыжая: Ерминингельд Иоганнович, а это не Семен, а опять Матвей! Он и говорит: за то, что обманули, оба будете пересдавать. А ты, говорит, Вера, тоже иди, потому что доносчиков не люблю. Справедливый был человек. Потом, конечно, выслали его. У нас в деревне много немцев было. Немцы Поволжья. Всех выселили. А как иначе? Он в мирное время мирный, а война начнется, что у него в голове щелкнет – никто не знает.

Кристина. Значит, вы Матвей Трофимович?

Люся. Кристина Юрьевна...

Кристина. Постой. Хочу понять, это психоз или что. Вы – Матвей Трофимович? Вы служили в лагерях охранником? Может, и людей расстреливали?

Семен. Может быть. В силу исторической необходимости.

Кристина. В том числе невиновных?

Семен. Молодая ты, не понимаешь. Вот я на фронте воевал с немцами. Вот иду я, допустим, в атаку. А там на меня какой-нибудь Ганс бежит. Может, у него детей трое. Может, работяга. Может, воевать не хотел, насильно взяли. Но факт в чем? Он – на стороне врага. Или я его, или он меня. Вот и все!

Кристина. И если бы вам пришлось расстрелять брата...

Семен. Понял, к чему клонишь. Про Тараса Бульбу читала? Тот вообще сына убил.

Юля. Кристина Юрьевна, вы ему не потакайте, я вижу, тут психиатра надо звать. Позвонить? Дмитрий Петрович нас по пятницам навещает, но я объясню, приедет.

Кристина (*задумчиво*). Может быть...

Семен садится на кровать, застывает.

Входят Лета и Арсен.

Лета. Здравствуйте! Готовитесь?

Кристина. К чему?

Лета. Я же сказала вам по телефону – я все решила. Анатолию Евгеньевичу объяснила: да, один брат умер, но второму тоже сто лет, событие! И тоже ветеран – труда, как минимум. В подробности не стала вдаваться, да и какая разница, правда? Единственное, все-таки лагерную тему поднимать не будем. Не то что нельзя, сейчас все можно, но и так в эфире сплошной негатив – и по центральным каналам, и вообще. Подвиг человека на фоне подвига народа, вот тема.

Люся. А в чем подвиг?

Арсен. До ста лет дожил, вот и подвиг.

Кристина. Насколько я знаю, о смерти Матвея Трофимовича по телевизору тоже не сообщали?

Лета. Нет. Послушайте, буквально позавчера замминистра Федулов умер – вы слышали?

Кристина. Нет.

Лета. Вот! А фигура не маленькая, в министры его продвигали. Но – скоропостижно. В новостях не сообщили, нигде вообще не было. Почему? А потому что страна у нас большая, каждый день кто-то умирает. Если про всех оповещать, будет не телевидение, а сплошной некролог!

Арсен. В доме покойников не говорят о покойниках.

Лета. Арсен, перестань! Не все знают, что ты так шутишь! Короче, вы слушайте по делу. Я с Анатолием Евгеньевичем договорилась, он команду дал, в срочном порядке оборудование закупают, он его и привезет. В смысле – подвезут, и он подъедет. Одновременно. Вручит вам в торжественной обстановке. Потом поздравит юбиляра. И мы это все снимем. И школьники будут, и из совета ветеранов.

Кристина. Это хорошо, но у нас проблема. У Семена Трофимовича последствия шока... Он себя Матвеем Трофимовичем считает. Сегодня, по крайней мере.

Арсен. Серьезно? Матвей Трофимович!

Семен. Слушаю.

Лета (*Арсену*). Перестань! (*Кристине*.) Разве так бывает?

Люся. А нас все бывает. Вон Зуева у нас Раиса Федоровна, я ей каждое утро рассказываю, кто она такая. Себя не помнит! К обеду более-менее в себя приходит, а иногда до вечера так и не может вспомнить. А то еще хуже, проснется и начинает: я великая актриса Зоя Федорова, меня убили, но я живая! Подайте машину, еду на «Мосфильм»! После восьмидесяти они все ку-ку, уж простите! Да что восемьдесят, я и в свои пятьдесят не всегда нормальная!

Лета. Это не страшно. Я не про вас, а про него. Мы снимали ветеранов, я прекрасно понимаю, какие там особенности. Деменция, слабоумие старческое, обычные дела! Если он себя братом считает – и пусть! Наденет форму с медалями, посидит, поздравления послушает.

Кристина. Как-то сомнительно. Я тут за все отвечаю, скажут: подлогом занимаетесь!

Лета. Кто скажет? Анатолий Евгеньевич тоже этих ветеранов повидал, знает, что они неадекватны все! Его один за сына принял, на шею бросился, а другой подумал, что он врач, начал на всех жаловаться. И что?

Арсен (*иронично*). В мундире он по телевизору красивше будет. Медальки, погончики.

Лета. И это тоже. Решено, да? Поймите, все закручено уже, горздрав на ушах, ищет оборудование для вас! Узнают, что не ветеран войны, а другой, тут же начнут отговариваться. Это такие люди, что угодно готовы сделать, лишь бы ничего не делать!

Кристина. Не знаю... Мы хотели уже психиатра вызвать...

Лета. Вызовете – потом. Он же не буйный какой-то. Да, Матвей Трофимович?

Семен. Чего говорите?

Лета. Я говорю – скоро приедем поздравлять вас в торжественной обстановке. Как ветерана войны.

Семен. Я, извините, не совсем... Вы по какому поводу тут?

Лета. Я с телевидения. Это...

Семен. Это Людмила, знаю, как же. Мы с ней лет уж десять знакомы. (*Кристине*). Вас я тоже видел.

Кристина. Кристина. Кристина Юрьевна. Директор ваш.

Семен. Кристина? Хорошее имя. Санитарка у нас была, звали так.

Лета бросается к шкафу, выхватывает китель, бежит к Семену и по ходу рассказа надевает на него, попутно сделав знак Арсену снимать. Арсен снимает на свою маленькую камеру.

Семен. Я ей говорю – приятное у тебя имя. Как бы религиозное. Она даже испугалась, а я ей: ты не бойся, я не обвиняю, наоборот, видишь же, что творится, люди на войне опять про бога вспомнили. С точки зрения партии вроде неправильно, но ты заметила же – партия не препятствует, помалкивает. Потому что, если подумать, бог коммунизму не помеха. Он ведь плохому не учит, а надежду дает. И коммунизм про то же – плохому не учит, а надежду дает. Она говорит: правда, я вот, говорит, столько убитых и раненых видела раздетыми, и сама раздевала по поводу ранения, чуть не на всех, говорит, крестики!

Лета. Отлично! Рассказывайте, рассказывайте!

Семен. Сапожки я ей достал. Хромовые, офицерские. Она в кирзовых ходила, солдатских. А я ей достал по ноге почти. Красивые, хоть пляши. И была у меня с ней... Дружба была.

Люся. Знаете что – хватит! Смотреть неприятно, зачем над человеком издеваетесь? Игрушка он вам? Семен Трофимович, давай, приходи в себя! (*Озаренная идеей, бросается к серванту, выдвигает ящики, находит паспорт. Показывает его Семену.*) Вот – видишь?

Семен. Вижу. Брата паспорт. Написано же – Семен.

Люся. Твой паспорт! Это ты! Хотя тут фотография молодая, лет семьдесят, наверно... (*И опять бросается к серванту, достает толстый альбом с фотографиями, показывает Семену, листает.*) Вот, вот, вот, вот – вся твоя жизнь!

Семен. Вижу. И что?

Люся. Как что? Кто вот это?

Семен. Я.

Люся. Кто я?

Семен. Матвей.

Люся. Матвей умер!

Пауза. Семен морщится, пытается сообразить. Арсен все это снимает, хотя Лета дала ему знак прекратить.

Семен. Умер, значит? И прямо похоронили?

Люся. Конечно! Можно на кладбище съездить – хоть сейчас.

Семен. Поедем. *(Пауза.)* Постой. А кто умер-то?

Люся. Матвей, брат твой!

Семен. А я кто?

Люся. А ты Семен! Поехали, по дороге все объясню! Кристина Юрьевна, дадите машину?

Кристина. Конечно... Хотя... Да, берите. Только недолго.

Люся снимает с Семена китель, вместо него надевает пиджак, прихватывает ходунки, берет Семена под руку, они выходят.

Арсен. Не дай бог дожить до старости.

Кристина. Может, лучше отменить все?

Лета. С какой стати? Будем действовать по ситуации. Кем он себя будет считать в день рождения, того и поздравим. Это же не столько для него мероприятие, сколько для людей. В воспитательных и патриотических целях!

Звонит телефон Кристины, она берет трубку.

Кристина. Да? Какой цемент? А, поняла... Я не помню, сейчас буду в кабинете, посмотрю... Я уже как прораб у вас!

Выходит. Арсен с улыбкой смотрит на Лету.

Лета. Что?

Арсен. Ты после социализма родилась, а такая советская... В воспитательных и патриотических целях!

Лета *(заглядывает в санузел).* Попахивает здесь. *(Входит внутрь.)*

Арсен. А когда про Крынкина говоришь, у тебя даже голос становится такой... Приседающий.

Лета *(появляется).* Чего?

Арсен. Еще немного и объявишь по телевизору: есть Крынкин – есть город, не будет Крынкина – не будет города!

Лета. Между прочим, так и есть! Чего ты злишься на меня? Я уже у тебя такая, сякая, советская! Хорошо, ты смелый, продвинутый. Давай поженимся?

Арсен. Леточка, я тебя до сих пор люблю, но...

Лета. Все!

Арсен. Послушай...

Лета. Не надо! Люблю, но живу с другой. В воспитательных и патриотических целях!

Арсен. А ты умней, чем я думал.

Лета. Да не думал ты об этом! Ты меня употреблял! Как в ресторане, принесли... курицу какую-нибудь, чего о ней думать, ее есть надо! А если представить, что эта курочка на травке зернышки клевала, с петушком кудахтала, с цыплятками гуляла, о чем-то там даже думала своей куриной головой – аппетит испортишь!

Арсен. Неправда, я тебя никогда курицей не считал.

Лета. А я считаю! Но мне нравится быть курицей! И что теперь?

Арсен. Неправда. Ни одна женщина не считает себя курицей.

Лета. Курица, причем бешеная. Хочешь, тебя завтра с работы выгонят? Или даже сегодня?

Арсен. Ты можешь этот сделать?

Лета. Запросто.

Арсен. Ты уже... Уже с ним в таких отношениях?

Лета. Да, в таких.

Арсен. Интересно.

Лета. Что?

Арсен. Все интересно.

Лета. Скажи, скажи. Все, что думаешь. Всю горькую правду про меня.

Арсен усмехается, машет рукой, выходит.

7.

Семен сидит в кресле-каталке с закрытыми глазами. На нем китель с наградами. Торопливо входят Кристина и Люся. Люся заглядывает в санузел, наводит порядок в комнате, снимает покрывало с кровати, стелет новое.

Кристина. Спит, что ли?

Люся. Совсем разладился. За неделю постарел, аж усох весь. Ест плохо, по ночам не спит, лежать ему тяжело, задыхается.

Кристина. А кто он сегодня у нас?

Люся. Да запутался совсем. Зову его: Семен Трофимович! – отвечает. Зову – Матвей Трофимович! – тоже отвечает. А так молчит вообще-то. И реагирует плохо. Есть будешь? – кивает, а не ест. Будто онемел.

Кристина. Может, это даже лучше. То есть нехорошо, но...

Люся. Да понятно, его будут поздравлять, а он кивать будет, все довольны. Не надо бы этого ничего. Маме моей вот было восемьдесят, позвали всех, человек тридцать собралось, а она сидит и не реагирует. А когда все разъехались, она мне: это кто был? Как кто, сын твой, племянники, внуки. А чего такое было? Как чего, юбилей, восемьдесят лет! Кому? Да тебе! Разве? Это я старая такая? Понимаете, да? Ей все равно, она от этого только устала.

Кристина. Понимаю, но одно дело – семейная ситуация, а у нас... У нас несколько иначе.

Входят Лета и Оператор.

Лета. Здравствуйте? Все нормально? Матвей Трофимович, отлично смотрите! (Кристине.) Или Семен Трофимович?

Люся. Он за двоих теперь. Вы потише, видите – спит.

Лета. Нет, но как обращаться к нему?

Кристина. Наверно, логичнее – Семен Трофимович.

Оператор устанавливает камеру на штативе, расставляет осветительные приборы, прикрепляет сбоку щит-отражатель и т.п.

Лета (оператору). Все в порядке?

Оператор кивает.

Лета. Вы зря сразу камеру установили. Надо репортажно снять, у входа, потом движущейся камерой, а потом уже здесь.

*Оператор снимает камеру, выходит.
Звонит телефон Леты, она берет трубку.*

Лета. Да? Хорошо, иду. *(Кристине и Люсе.)* Приехали. Все сразу – и школьники, и ветераны, и Анатолий Евгеньевич. Давайте будить его.

Люся. Семен Трофимыч, пора! Матвей Трофимыч! Проснись и пой, как говорится. *(Подходит к нему.)* Мама моя... Кристина, глянь...

Кристина подходит, осматривает Семена.

Лета. Что? Что?

Люся. Да то! Все то же! И ведь сидит, как живой, даже не накренился! Умер по стойке смирно.

Лета. Вы серьезно? *(Подходит.)* И что теперь?

Люся. Как что? Похороны, поминки.

Лета. Нет, а как же... Нельзя же все вот так отменить! Там столько людей!

Люся. Девушка, вы охренели? Покойника поздравлять?

Кристина. В самом деле, давайте все свернем.

Лета. Постойте! Я вот в кино видела – человек в состоянии комы, но абсолютно все слышит и понимает! И там тоже его с днем рождения поздравляли. Такой, знаете, трогательный эпизод, он не шевелится, а у самого такая слезинка по щеке... И типа улыбки что-то такое... Очень впечатляет.

Люся. Ага, цирк тут устроим!

Кристина. Людмила Ивановна, это не цирк, а... Там оборудование привезли. Для живых.

Люся. И теперь не отдадут, что ли?

Кристина. Отдадут, но... Мы прозвучим по телевидению, на нас обратят внимание, это опять живым на пользу. Понимаете? Строго говоря, он мог умереть на час позже, особой разницы нет. А сейчас как бы в коме, неплохая идея.

Лета. Именно! Пойдемте, объясните им, как врач. Что все слышит и понимает, но не реагирует. Мы даже так сделаем – мы заходить не будем, а дверь откроем и оттуда. Отлично получится!

Лета и Кристина выходит. Люся смотрит на Семена. Прикладывает ухо к его груди. Отходит.

Люся. А может, ты и слышишь... Душа, говорят, какое-то время тут живет. Вот темная я, в Бога верю, а религию не понимаю. В церкви на старом языке поют, ничего не разберешь... Но вот девятый день отмечают, сороковой – это же не просто так? Наверно, душа здесь еще. Ты же не просто так за брата себя почувствовал? Может, он временно в тебе был? Чего говорю, сама не соображаю. А ведь пятьдесят лет всего. Вот тоже проблема – всего пятьдесят, а интереса к жизни, если честно, почти никакого. А если тоже до ста доживу? Еще пятьдесят. Пятьдесят лет без интереса жить? Да лучше сразу сдохнуть! У тебя ведь был какой-то интерес? Я тебе так скажу, Семен Трофимович... Или Матвей Трофимович? Я вам обоим так скажу... *(Задумывается.)* Забыла. На языке вертелось что-то умное, а... Не помню. Недавно по телевизору слышала: жизнь – неопределенная вещь. Я аж вздрогнула. Страшно стало. Главное, даже не поняла, о чем это, а – страшно. *(Прислушивается.)* Идут. Нет, это без меня!

Выходит, закрыв за собой дверь.

И могут, конечно, появиться поздравляющие школьники, ветераны и мэр – ведь зрители ждут этого. Но в данном случае лучше обмануть ожидания, пусть зрители не сразу поймут, что пьеса кончилась и пребывают в том самом состоянии неопределенности, о котором говорила Люся.